

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА САЙТЕ
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «АХЛЮСТИН ПРОТИВ РОССИИ»

(жалоба № 21200/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

вынесено: 7 ноября 2017 года
вступило в силу: 5 марта 2018 года

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Ахлюстин против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,

Бранко Лубарда,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Алина Полачкова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

а также Фатош Араджы, *Заместитель секретаря Секции*,

проведя 10 октября 2017 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в указанный день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 21200/05) против Российской Федерации, поступившей в Европейский Суд 11 мая 2005 года в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Ахлюстина Владимира Александровича (далее по тексту — «заявитель»).

2. Интересы заявителя представлял Сперанский О., практикующий в городе Иваново. Интересы властей Российской Федерации (далее по тексту — «власти») представлял Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека — заместитель Министра юстиции Российской Федерации Г.О. Матюшкин., а затем его преемник в указанной должности М.Л. Гальперин.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что в отношении него велось негласное наблюдение в нарушение статьи 8 Конвенции и что производство по возбужденному в отношении него уголовному делу было несправедливым.

4. Жалоба была коммуницирована властям 5 мая 2010 года.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель, 1979 года рождения, проживает в городе Иваново.

6. В период рассматриваемых событий заявитель входил в состав Избирательной комиссии Ивановской области.

7. 23 октября 2003 года заместителем руководителя Управления Министерства внутренних дел по Ивановской области было вынесено постановление об аудио- и видеонаблюдении за кабинетом заявителя. Копии данного постановления сторонами представлены не были.

8. Наблюдение осуществлялось с помощью скрытой камеры с 27 октября по 5 ноября 2003 года.

9. Впоследствии заявителю было предъявлено обвинение в злоупотреблении должностными полномочиями по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации. Во время ознакомления с материалами дела заявитель обнаружил в них видеозапись, на которой было видно, как он в своем кабинете разговаривает по телефону.

10. На судебном заседании заявитель вину не признал. Он, в частности, указывал на недопустимость использования аудио- и видеозаписей в качестве доказательств, так как записи были получены незаконным образом без соответствующего разрешения суда. Кроме того, он оспаривал достоверность записей.

11. 27 сентября 2004 года Ленинский районный суд города Иваново признал заявителя виновным в злоупотреблении должностными полномочиями и приговорил его к двум годам лишения свободы с отсрочкой исполнения наказания на два года. При вынесении приговора суд опирался на показания нескольких свидетелей, вещественные доказательства, заключения экспертов и видеозапись телефонных разговоров заявителя. Суд признал видеозаписи достоверными и полученными в порядке, предусмотренном законом.

12. Заявитель обжаловал приговор. Он, в частности, привел тот же довод о недопустимости использования видеозаписи в качестве доказательства.

13. 12 ноября 2004 года кассационная инстанция Ивановского областного суда оставил приговор без изменений. Суд постановил, что видеозапись была правомерно признана районным судом допустимым доказательством, так как она была получена в предусмотренном законом порядке.

II. ПРИМЕНИМОЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

А. Оперативно-розыскные мероприятия

14. Закон от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее по тексту — «Закон об ОРД») гласит, что к оперативно-розыскным мероприятиям относятся, в том числе, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных разговоров; снятие информации с

технических каналов связи; обследование помещений, зданий, сооружений, транспортных средств и участков местности; оперативный эксперимент. В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий используются видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде (статья 6).

15. К задачам оперативно-розыскной деятельности относятся: (1) выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; (2) осуществление розыска лиц, скрывающихся от правосудия, а также розыска без вести пропавших; (3) добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации (статья 2 Закона об ОРД в редакции, действующей на момент рассматриваемых событий).

16. Основаниями для проведения оперативно-розыскных мероприятий являются:

1. Наличие возбужденного уголовного дела.

2. Полученные сведения о:

(1) признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для возбуждения уголовного дела;

(2) событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации;

(3) лицах, скрывающихся от правосудия;

(4) лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов.

3. Поручения следователя или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

4. Запросы других органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по основаниям, указанным в настоящей статье.

5. Постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых в порядке, предусмотренном законодательством.

6. Запросы международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, вправе также собирать данные, необходимые для принятия решений о

допуске к сведениям, составляющим государственную тайну; для проверки достоверности сведений, предоставляемых гражданами, претендующими на указанные в настоящей статье Закона должности или проверки сведений, предоставляемых гражданами, занимающими указанные должности, в целях борьбы с коррупцией; для принятия решений о допуске к работам, связанным с эксплуатацией объектов, представляющих опасность для людей и окружающей среды; для принятия решения о выдаче разрешений на частную детективную и охранную деятельность (статья 7 в редакции, действующей во время рассматриваемых событий).

17. Проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения (часть 2 статьи 8 Закона об ОРД). Указанные мероприятия проводятся при наличии информации (1) О признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния; (2) О лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние; или (3) О событиях или действиях, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации (часть 2 статьи 8 Закона об ОРД). На момент рассматриваемых событий указанные выше мероприятия допускались только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях (часть 4 статьи 8 Закона об ОРД в редакции, действующей до 24 июля 2007 года). Не допускается проведение указанных мероприятий по основаниям, не указанным в статье 7 (часть 9 статьи 8 Закона об ОРД).

18. Определением от 20 марта 2007 года № 178-О-О Конституционный Суд Российской Федерации признал недопустимым ходатайство о проверке конституционности статьи 6 Закона об ОРД и отказал в его удовлетворении. Суд, в частности, пришел к выводу об отсутствии необходимости вынесения отдельного судебного разрешения для использования средств аудио- и видеозаписи, фото- и видеосъемки, либо других технических средств как во время осуществления оперативно-розыскной деятельности на основании судебного разрешения, так и во время осуществления оперативно-розыскной деятельности, не требующей судебного разрешения.

Б. Судебный пересмотр

19. Краткий обзор положений российского законодательства о судебном пересмотре оперативно-розыскных мероприятий изложен в

постановлении по делу «Зубков и другие против России» (см. постановление Европейского Суда от 7 ноября 2017 года по делу «Зубков и другие против России» (*Zubkov and Others v. Russia*), жалоба № 29431/05 и две другие жалобы, §§ 58-76).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

20. Заявитель жаловался на проведение в отношении него негласного наблюдения, в результате которого было нарушено его право на уважение частной жизни, жилища и корреспонденции. Он ссылаясь на статью 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц».

A. Приемлемость жалобы

1. Замечания сторон

21. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты. Российским законодательством предусмотрено право лица, узнавшего о проведении в отношении него или нее оперативно-розыскных мероприятий и полагающего, что действия должностных лиц привели к нарушению его или ее прав, обжаловать такие мероприятия в суд в соответствии с частью 5 Закона об ОРД. Из разъяснений Пленума Верховного Суда следует, что такие жалобы должны быть рассмотрены в порядке, предусмотренном главой 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — «ГПК») и Законом «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (далее по тексту — «Закон об обжаловании»).

22. Вместо того, чтобы воспользоваться указанным выше эффективным средством правовой защиты, заявитель поднял вопрос о негласном наблюдении в рамках производства по возбужденному в

отношении него уголовному делу и стал оспаривать допустимость таких доказательств как видеозаписи. По мнению властей, оспаривание допустимости доказательства в рамках производства по уголовному делу не могло считаться эффективным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 8. Возможность такого обжалования предусмотрена для исключения незаконно полученных доказательств из числа доказательств, рассматриваемых в ходе судебного разбирательства. Поэтому данное средство было эффективным в отношении жалобы на нарушение статьи 6, но не было эффективным в отношении жалобы на нарушение статьи 8. Производство по уголовному делу осуществляется с целью установить вину или невиновность подсудимого в совершении вменяемых ему или ей преступлений, а не в установлении виновных в предполагаемом нарушении его или ее права на уважение частной жизни или корреспонденции.

23. Заявитель утверждал, что предложенное властями средство правовой защиты не было эффективным. Жалобы на незаконность негласного наблюдения были озвучены им в ходе производства по уголовному делу как в суде первой инстанции, так и в суде кассационной инстанции. Поэтому он полагал, что исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты.

2. Оценка Суда

(а) Исчерпание средств внутригосударственной правовой защиты

24. Прежде всего, Европейский Суд отмечает, что заявитель поднял вопрос негласного наблюдения в ходе производства по возбужденному в отношении него уголовному делу. Суд соглашается с доводов властей, что в рамках производства по уголовному делу суды не могли обеспечить эффективного средства правовой защиты. Суды могли рассматривать вопросы справедливости судебного разбирательства по уголовным делам в связи с приобщением доказательств, но не могли рассматривать по существу жалобы на нарушение Конвенции в связи с вмешательством в право заявителя на уважение частной жизни и корреспонденции, которое не было осуществлено «в соответствии с законом» и не было «необходимым в демократическом обществе»; не могли они и обеспечить надлежащего средства защиты в связи с такой жалобой (см. постановление Европейского Суда по делу «Хан против Соединенного Королевства» (*Khan v. the United Kingdom*), жалоба № 35394/97, § 44, ECHR 2000-V; постановление Европейского Суда по делу «Р. Г. и J. Н. против Соединенного Королевства» (*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*), жалоба № 44787/98, § 86, ECHR 2001-IX; постановление Европейского Суда от 8 марта 2011 года по делу «Горанова-Караенева против

Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), жалоба № 12739/05, § 59; постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Ирфан Гюзел против Турции» (*İrfan Güzel v. Turkey*), жалоба № 35285/08, §§ 106-07; и см. для сравнения постановление Европейского Суда от 15 января 2015 года по делу «Драгоевич против Хорватии» (*Dragojević v. Croatia*), жалоба № 68955/11, §§ 35, 42, 47 и 72; постановление Европейского Суда от 31 марта 2016 года по делу «Шантаре и Лабазников против Латвии» (*Šantare and Labazņikovs v. Latvia*), жалоба № 34148/07, §§ 25 и 40-46; постановление Европейского Суда от 20 декабря 2016 года по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), жалоба № 20933/08, §§ 20 и 77-79). Поэтому Европейский Суд соглашается с тем, что предложенное властями оспаривание негласного наблюдения в рамках уголовного судопроизводства не может считаться эффективным средством правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 8.

25. Далее Европейский Суд должен установить, насколько эффективным средством правовой защиты, требующим исчерпания, было ходатайство о судебном пересмотре, поданное в соответствии со статьей 5 Закона об ОРД в совокупности с главой 25 ГПК и Законом об обжаловании. Европейский Суд отмечает, ходатайство о судебном пересмотре, поданное в порядке статьи 5 Закона об ОРД в соответствии с Законом об обжаловании и главой 25 ГПК, предназначалось исключительно для пересмотра законности действий должностных лиц, осуществлявших наблюдение. В соответствии с главой 25 ГПК и Законом об обжаловании, действующими в период рассматриваемых событий, российские суды рассматривали только вопрос законности действий должностных лиц, осуществлявших наблюдение. Согласно толкованию соответствующих положений Верховным Судом Российской Федерации под определением «законность» понималось соблюдение подсудности и установленного порядка, а также соответствие содержания требованиям законодательства. Из этого следует, что законодательство не обязывало суды оценивать вопросы «необходимости в демократическом обществе», в частности оценивать, отвечали ли оспариваемые действия насущной социальной потребности, были ли они соразмерны преследуемым целям, то есть не обязывало их опираться на те принципы, которые составляют основу оценки Европейским Судом жалоб на нарушение статьи 8 Конвенции.

26. В ряде случаев, касающихся нарушения статьи 8, Европейский Суд уже приходил к выводу, что судебный пересмотр, который не позволяет оценить оспариваемое вмешательство с точки зрения его соответствия «насущной социальной потребности» и соразмерности преследуемой цели, не может считаться эффективным средством

правовой защиты (см. постановление Европейского Суда по делу «Смит и Грейди против Соединенного Королевства» (*Smith and Grady v. the United Kingdom*), жалобы №№ 33985/96 и 33986/96, §§ 135-39, ECHR 1999-VI; постановление Европейского Суда по делу «Пек против Соединенного Королевства» (*Peck v. the United Kingdom*), жалоба № 44647/98, §§ 105-07, ECHR 2003-I; и постановление Европейского Суда по делу «Киган против Соединенного Королевства» (*Keegan v. the United Kingdom*), жалоба № 28867/03, §§ 40-43, ECHR 2006-X).

27. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, что ходатайство о судебном пересмотре, поданное в порядке статьи 5 Закона об ОРД (в рамках производства в соответствии с Законом об обжаловании и главой 25 ГПК) не является эффективным средством правовой защиты, требующим исчерпания. Поэтому Европейский Суд отклоняет возражение властей относительно неисчерпания внутригосударственных средств правовой защиты.

(б) Соблюдение шестимесячного срока

28. Европейский Суд отмечает, что жалоба была подана заявителем в течение шести месяцев с даты вынесения окончательного решения по его уголовному делу. Важно отметить, что о негласном наблюдении заявитель узнал в ходе производства по данному уголовному делу. Сторона обвинения использовала полученные в результате наблюдения материалы в качестве изобличающего его доказательства. Европейский Суд считает логичной в таких обстоятельствах попытку заявителя привлечь внимание российских судов к своим жалобам посредством их заявления во время судебного разбирательства. В заявлениях сторон Европейский Суд не усматривает каких-либо оснований полагать, что заявителю было известно или должно было быть известно о бесполезности таких жалоб. Российские суды действительно могли рассмотреть (что они и сделали) вопрос законности наблюдения и, таким образом, рассмотреть, по сути, часть жалобы заявителя на нарушение положений Конвенции. Европейский Суд в обстоятельствах настоящего дела не видит оснований упрекать заявителя в попытке привлечь внимание российских судов к своим жалобам с помощью средства правовой защиты, которое он ошибочно считал эффективным (аналогичное обоснование см. в упоминавшемся выше постановлении по делу «Раджаб Магомедов против России» (*Radzhab Magomedov v. Russia*), §§ 77-79).

29. Соответственно, Европейский Суд приходит к выводу о соблюдении заявителем правила шестимесячного срока.

30. Кроме того, Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что она не является неприемлемой по

каким-либо иным основаниям. Следовательно, жалоба должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Замечания сторон

31. В первую очередь власти заявителя, что кабинет заявителя не может считаться его «жилищем» по смыслу российского законодательства. Согласно российскому законодательству, под особую защиту подпадают только те жилые помещения, которые являются «жилищем». Остальные помещения, например, служебные, не считаются «жилищем» и, соответственно, не подпадают под особую защиту. Заявитель являлся государственным должностным лицом, и его кабинет находился в общественном здании. В кабинете он должен был заниматься только профессиональной деятельностью, осуществление частной деятельности в кабинете было недопустимым. В любом случае, преступная деятельность не подпадает под защиту статьи 8. Поэтому статья 8 не может применяться к вопросу аудио-видеонаблюдения за указанным кабинетом. Следовательно, не было и вмешательства в право заявителя на уважение жилища или частной жизни.

32. Далее власти отметили, что наблюдение за кабинетом заявителя осуществлялось в порядке, предусмотренном российским законодательством. Российское законодательство предусматривает дачу судебного разрешения только для проведения такого наблюдения, которое ограничивает конституционные права человека и гражданина на тайну почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища. Для проведения мероприятий, которые не ограничивают указанные выше конституционные права, дача судебного разрешения не требуется даже в том случае, если они проводятся с использованием средств аудио- и видеозаписи, фото- и видеосъемки, либо других разрешенных законом технических средств. Разрешение на проведение таких мероприятий выдается руководителем органа, осуществляющего наблюдение. Поэтому в настоящем деле судебное разрешение не требовалось, так как аудио- и видеонаблюдение за кабинетом заявителя не нарушало тайну его почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, и не нарушало неприкосновенность его жилища.

33. Далее власти утверждали, что российское законодательство соответствует предусмотренным Конвенцией требованиям о «качестве закона». Все положения законов, регулирующих вопросы негласного

наблюдения, были официально опубликованы и доступны общественности. Власти не согласны с выводами относительно «качества закона», сделанными Европейским Судом в постановлении по делу «Быков против России» (см. постановление Большой Палаты от 10 марта 2009 года по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), жалоба № 4378/02), в котором Европейский Суд не стал рассматривать их довод о неприменимости статьи 8 к обстоятельствам дела и об отсутствии вмешательства в гарантированные статьей 8 права заявителя.

34. Заявитель утверждал, что аудио- и видеонаблюдение за его кабинетом было незаконным. Поскольку на видео были сняты его разговоры по телефону, такое наблюдение привело к вмешательству в тайну его телефонных сообщений. В соответствии с требованиями российского законодательства, для осуществления такого рода вмешательства требовалось разрешение суда.

35. Далее заявитель утверждал, что в рамках процедуры вынесения постановления об аудио- и видеонаблюдении за его кабинетом и процедуры осуществления такого наблюдения у него практически не было или вообще не было никаких гарантий. В частности, пределы усмотрения властей в вопросе вынесения постановления о проведении наблюдения ничем не ограничивались, не были определены параметры и способы проведения такого наблюдения, отсутствовали другие конкретные гарантии.

2. Оценка Суда

А) Наличие вмешательства

36. Для начала Европейский Суд рассмотрит довод властей о том, что кабинет заявителя не мог считаться «жилищем» и, соответственно, аудио- и видеонаблюдение за кабинетом не могло привести к вмешательству в права заявителя, гарантированные пунктом 1 статьи 8.

37. Европейский Суд неоднократно отмечал, что предусмотренное пунктом 1 статьи 8 понятие «жилище» включает в себя не только жилое помещение физического лица. Суд напоминает, что в статье 8 на французском языке слово «domicile» (жилище) имеет более широкое значение, чем слово «home», и может, например, включать в себя место работы физического лица (см. постановление по делу «Бак против Германии» (*Buck v. Germany*), жалоба № 41604/98, § 31, ECHR 2005-IV, с дальнейшими ссылками). Кроме того, Европейский Суд неоднократно приходил к выводу, что частная жизнь лица может быть связана с деятельностью, осуществляемой за пределами его жилища или жилого помещения (см. постановление Европейского Суда по делу «Узун против Германии» (*Uzun v. Germany*), жалоба № 35623/05, § 44,

ЕCHR 2010 (извлечения), с дальнейшими ссылками). Следовательно, согласно прецедентной практике Европейского Суда телефонные звонки, осуществляемые из офисных помещений, в том числе из кабинетов государственных служащих, подпадают под понятия «частная жизнь» и «корреспонденция» в значении пункта 1 статьи 8 Ковненции (см. постановление Европейского Суда от 25 июня 1997 года по делу «Хэлфорд против Соединенного Королевства» (*Halford v. the United Kingdom*), § 44, Сборник постановлений и решений 1997-III). Сообщения, передаваемые с рабочего места по электронной почте или через аккаунты в приложениях для мгновенного обмена сообщениями, а также сведения, полученные вследствие наблюдения за частным использованием интернета тоже подпадают под защиту статьи 8 (см. постановление по делу «Коплэнд против Соединённого Королевства» (*Copland v. the United Kingdom*), жалоба № 62617/00, § 41, ECHR 2007-I; постановление Большой Палаты по делу «Бэрбулеску против Румынии» (*Bărbulescu v. Romania*), жалоба № 61496/08, §§ 73-81, ECHR 2017). Кроме того, Европейский Суд уже приходил к выводу, что обыск в кабинете прокурора являлся вмешательством в «частную жизнь» (см. постановление Европейского Суда от 26 июля 2007 года по делу «Пеев против Болгарии» (*Peev v. Bulgaria*), жалоба № 64209/01, §§ 37-40), как и негласная видеосъемка человека в здании полиции (см. постановление Европейского Суда по делу «Перри против Соединенного Королевства» (*Perry v. the United Kingdom*), жалоба № 63737/00, §§ 36-43, ECHR 2003-IX (извлечения)).

38. В упомянутых выше постановлениях при установлении вмешательства или отсутствия вмешательства в права заявителей, гарантированные статьей 8, Европейский Суд проводил оценку с точки зрения наличия «правомерных ожиданий соблюдения тайны». При этом Европейский Суд отмечал, что наличие у лица правомерных ожиданий относительно соблюдения тайны являются важным, но не обязательно решающим фактором. Вопросы неприкосновенности частной жизни могут возникнуть в том случае, когда аудио- или видеозапись действий лица начинает носить систематический или непрерывный характер, даже если это лицо во время записи находилось в общественном месте (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Узун против Германии» (*Uzun v. Germany*), § 44, с дальнейшими ссылками).

39. Применительно к настоящему делу Европейский Суд обращает внимание на отсутствие свидетельств, доказывающих, что работодатель заявителя поставил его в известность о возможной видеосъемке кабинета или прослушивании телефонных звонков. Следовательно, у заявителя были правомерные ожидания неприкосновенности кабинета, в том числе тайны сделанных из кабинета телефонных звонков (см. аналогичное обоснование в

упоминавшемся выше постановлении по делу «Хэлфорд против Соединенного Королевства» (*Halford v. the United Kingdom*), § 45; и упоминавшемся выше постановлении по делу «Бэрбулеску против Румынии» (*Bărbulescu v. Romania*), §§ 73-81). Также важно отметить, полученные в результате видеосъемки заявителя записи хранились и просматривались третьими лицами без ведома и согласия заявителя, а также использовались в качестве доказательства в уголовном деле. Следовательно, наблюдение за заявителем привело ко вмешательству в его «частную жизнь» в значении пункта 1 статьи 8. Необходимость устанавливать наличие вмешательства в право на уважение жилища или корреспонденции в значении пункта 1 статьи 8 в связи с проведением негласного наблюдения отсутствует.

Оправданность вмешательства

40. Европейский Суд напоминает что такое вмешательство является нарушением статьи 8 кроме тех случаев, когда оно осуществляется «в соответствии с законом», преследует одну или несколько законных целей, указанных в пункте 2, и является «необходимым в демократическом обществе» для достижения этих целей (см. среди прочих источников упоминавшееся выше постановление по делу «Горанова-Караенева против Болгарии» (*Goranova-Karaeneva v. Bulgaria*), § 45).

41. Формулировка «в соответствии с законом» требует, чтобы оспариваемая по делу мера имела какие-то основания в национальном законодательстве и соответствовала принципу верховенства права, который прямо упоминается в преамбуле Конвенции и неразрывно связан с объектом и целью статьи 8 Конвенции. Таким образом, закон должен отвечать требованиям о качестве закона, то есть он должен быть доступен соответствующему лицу, а последствия его применения — предсказуемыми (см. постановление Большой Палаты по делу «Роман Захаров против России» (*Roman Zakharov v. Russia*), жалоба № 47143/06, § 228, ECHR 2015). В постановлении по делу Романа Захарова Европейский Суд следующим образом сформулировал требования о «качестве закона», применяемые в контексте негласного наблюдения.

«229. Европейский Суд неоднократно приходил к выводу, что ссылка на «предсказуемость» в контексте прослушивания переговоров имеет иной смысл, чем в других вопросах. Предсказуемость в особом контексте негласных мер наблюдения — таких как прослушивание переговоров — не может означать, что человек должен иметь возможность предусмотреть, когда именно органы власти могут прослушивать его переговоры, чтобы соответствующим образом скорректировать свое поведение. Таким образом и в частности там, где полномочия, предоставленные исполнительной власти, осуществляются негласно, риск произвольных действий представляется очевидным. Поэтому крайне важно иметь четкие, подробные правила прослушивания телефонных

переговоров, тем более, что доступные для использования технические средства все время совершенствуются. Нормы национального права должны быть достаточно четкими, чтобы давать гражданам достаточное указание на обстоятельства и условия, при которых государственные органы имеют право прибегнуть к таким мерам (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Мэлоун против Соединенного Королевства» (*Malone v. the United Kingdom*), § 67; постановление Европейского Суда от 26 марта 1987 года по делу «Леандер против Швеции» (*Leander v. Sweden*), § 51, Серия А № 116; постановление Европейского Суда от 24 апреля 1990 года по делу «Ювиг против Франции» (*Huvig v. France*), § 29, Серия А № 176-В; постановление Европейского Суда от 30 июля 1998 года по делу «Валенсуэла Контрерас против Испании» (*Valenzuela Contreras v. Spain*), § 46, Сборник постановлений и решений 1998-V; упоминавшееся выше постановление по делу «Ротару против Румынии» (*Rotaru v. Romania*), § 55; упоминавшееся выше постановление по делу «Вебер и Саравия против Германии» (*Weber and Saravia v. Germany*), § 93; и упоминавшееся выше постановление по делу «Объединение “Ассоциация европейской интеграции и прав человека” и Екимджиев против Болгарии» (*Association for European Integration and Human Rights and Ekimdzhev v. Bulgaria*), § 75).

230. Кроме того, поскольку практическое осуществление мер негласного наблюдения за каналами связи не доступно для контроля со стороны заинтересованных лиц или общественности, предоставление неограниченного усмотрения исполнительной власти или судье нарушало бы принцип верховенства права. Следовательно, закон должен определять границы любого такого усмотрения, предоставленного компетентным органам, а также порядок его осуществления с достаточной ясностью, чтобы каждый человек имел достаточную защиту от произвольного вмешательства (см. среди прочих источников упоминавшееся выше постановление по делу «Мэлоун против Соединенного Королевства» (*Malone v. the United Kingdom*), § 68; упоминавшееся выше постановление по делу «Леандер против Швеции» (*Leander v. Sweden*), § 51; упоминавшееся выше постановление по делу «Ювиг против Франции» (*Huvig v. France*), § 29; и упоминавшееся выше постановление по делу «Вебер и Саравия против Германии» (*Weber and Saravia v. Germany*), § 94).

231. В своей прецедентной практике по вопросу негласных мер наблюдения Европейский Суд разработал такие минимальные гарантии, которые должны присутствовать в законодательстве в целях избежать злоупотребления: характер преступлений, которые могут быть основанием для выдачи разрешения на прослушивание сообщений; определение категорий физических лиц, телефонные разговоры которых можно прослушивать; ограничение продолжительности прослушивания телефонных разговоров; процедуры изучения, использования и хранения полученных сведений; предупредительные меры при передаче этих сведений другим сторонам; обстоятельства, при которых записи можно или нужно стереть или уничтожить (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ювиг против Франции» (*Huvig v. France*), § 34; постановление Большой Палаты по делу «Аманн против Швейцарии» (*Amann v. Switzerland*), жалоба № 27798/95, §§ 56-58, ECHR 2000-II; упоминавшееся выше постановление по делу «Валенсуэла Контрерас против Испании» (*Valenzuela Contreras v. Spain*), § 46; постановление Европейского Суда от 18 февраля 2003 года по делу «Прадо Бугалло против Испании» (*Prado Bugallo v. Spain*), жалоба № 58496/00, § 30; упоминавшееся выше постановление по делу «Вебер и Саравия против Германии» (*Weber and Saravia v. Germany*), § 95; и

упоминавшееся выше постановление по делу «Объединение “Ассоциация европейской интеграции и прав человека” и Екимджиев против Болгарии» (*Association for European Integration and Human Rights and Ekimdzhiev v. Bulgaria*), § 76).

232. Что касается вопроса «необходимости» вмешательства «в демократическом обществе» в законных целях, то Европейский Суд признал, что при установлении баланса между интересами государства-ответчика, обеспечивающим национальную безопасность посредством негласных мер наблюдения, и степени вмешательства в право заявителя на уважение частной жизни, национальным органам должна быть предоставлена определенные пределы усмотрения в выборе средств достижения законных целей по обеспечению национальной безопасности. При этом пределы усмотрения ограничиваются европейским контролем, который распространяется как на законодательство, так и на решения о его применении. Поскольку система негласного наблюдения, осуществляемого в целях национальной безопасности, несет в себе опасность подрыва или даже уничтожения демократии под предлогом ее защиты, Европейский Суд должен убедиться в существовании адекватных и эффективных гарантий от злоупотреблений. Такая оценка зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер, объем и продолжительность возможных мер наблюдения, основания для выдачи соответствующего разрешения, компетентные органы, уполномоченные разрешать, осуществлять и контролировать принятие мер, а также вид средств правовой защиты, предусмотренных внутригосударственным законодательством. Европейский Суд должен установить, представляют ли собой процедуры по надзору за разрешением и осуществлением ограничительных мер такое «вмешательство», которое «необходимо в демократическом обществе» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Класс и другие против Германии» (*Klass and Others*), §§ 49, 50 и 59; упоминавшееся выше постановление по делу «Вебер и Саравия против Германии» (*Weber and Saravia v. Germany*), § 106; постановление Европейского Суда от 9 июня 2009 года по делу «Квасница против Словакии» (*Kvasnica v. Slovakia*), жалоба № 72094/01, § 80; и упоминавшееся выше постановление по делу «Кеннеди против Соединенного Королевства» (*Kennedy v. the United Kingdom*), §§ 153 and 154).

42. В постановлении по делу «Быков против России», в котором речь шла о прослушивании разговоров заявителя с помощью радиопередающего устройства, спрятанного на теле его собеседника в ходе так называемого «оперативного эксперимента», Европейский Суд пришел к выводу, что положения законодательства, регулирующие проведение «оперативного эксперимента», не соответствовали требованиям о «качестве закона» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), §§ 69-83).

43. По мнению Европейского Суда, указанный выше вывод применим к аудио- и видеонаблюдению за кабинетом заявителя по следующим основаниям. Во-первых, «оперативный эксперимент» в деле Быкова и рассматриваемые меры наблюдения в настоящем деле относятся к оперативно-розыскным мероприятиям, указанным в статье 6 Закона об ОРД (см. выше пункт 14). Как и «оперативный эксперимент» в деле Быкова, так и меры «наблюдения» в настоящем

деле согласно российскому законодательству не являются вмешательством в какую-либо из двух категорий тайн, явно подпадающих под защиту Закона об ОРД — тайну почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, и неприкосновенность жилища. Из пояснений властей, в частности, следует, что кабинет заявителя не являлся его «жилищем» в значении, сформулированном российским законодательством.

44. Более того, поскольку меры наблюдения, как и «оперативный эксперимент», не подразумевают вмешательства в тайну подпадающих под защиту сообщений или нарушения неприкосновенности жилища, в отношении них не действуют процессуальные гарантии, предусмотренные статьей 8 Закона об ОРД, а именно требование о получении соответствующего разрешения суда (см. выше пункт 17). Закон об ОРД содержит перечень обстоятельств, при наступлении которых государственные органы вправе прибегать к мерам наблюдения (см. выше пункт 16), но при этом он не предусматривает никаких других гарантий. Власти не привели ссылок на какие-либо иные положения внутригосударственного права, которые бы регулировали пределы и продолжительность мер «наблюдения», основания для вынесения постановления о принятии таких мер, процедуры надзора за установлением и осуществлением наблюдения, правила использования различных средств или приборов наблюдения.

45. Похоже, что в настоящем деле, как и в деле *Быкова*, у заявителя в рамках процедуры установления и осуществления за ним наблюдения практически не было или вообще не было гарантий. В частности, пределы усмотрения властей в вопросе вынесения постановления о проведении наблюдения ничем не ограничивались, не были определены параметры и способы проведения такого наблюдения, отсутствовали другие конкретные гарантии. В отсутствие конкретных норм, которые бы предусматривали гарантии, Европейский Суд полагает, что предусмотренное российским законодательством право заявителя обратиться в суд с требованием о признании наблюдения незаконным или об исключении результатов наблюдения из числа доказательств не соответствует изложенным выше требованиям о «качестве закона» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), § 80; и см. выше пункты с 24 по 27 относительно эффективности имеющихся средств правовой защиты).

46. Европейский Суд приходит к выводу о проведении в отношении заявителя наблюдения в отсутствие надлежащих гарантий от возможных злоупотреблений. Меры наблюдения не отвечали требованиям законности, поскольку существовала вероятность произвольного их применения. Таким образом, вмешательство в право

заявителя на уважение частной жизни было осуществлено не «в соответствии с законом» в нарушение пункта 2 статьи 8 Конвенции. Принимая во внимания данный вывод Европейский Суд не считает необходимым устанавливать «необходимость» такого вмешательства «в демократическом обществе» для каких-либо из целей, указанных в пункте 2 статьи 8.

47. Соответственно, было допущено нарушение статьи 8 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

48. В своей жалобе заявитель утверждал, что вынесенный ему приговор был основан на незаконно полученных видеозаписях. Он ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции, которая в соответствующей части гласит:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом ...».

49. Власти утверждали, что в задачи Европейского Суда не входит исправление фактических или правовых ошибок, предположительно допущенных внутригосударственным судом. Хотя статья 6 и гарантирует право на справедливое судебное разбирательство, она не утверждает правил приемлемости доказательств как таковых, поскольку этот вопрос в первую очередь должен регулироваться внутригосударственным законодательством. Таким образом, в обязанности Европейского Суда не входит решение вопроса о допустимости определенных видов доказательств, например о допустимости незаконно полученных доказательств, или о виновности или невиновности заявителя. Вопрос, на который Европейский Суд должен дать ответ, заключается в том, являлось ли производство, в ходе которого были получены данные доказательства, справедливым в целом.

50. Власти отметили, что приговор заявителю был основан на совокупности многочисленных доказательств, и лишь часть таких доказательств была получена в результате негласного наблюдения. В ходе состязательного производства у заявителя была возможность оспорить доказательства, полученные в результате негласного мероприятия, но он ею не воспользовался.

51. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе.

52. В ряде дел, в которых использование скрытых подслушивающих устройств осуществлялось не «в соответствии с законом» и приводило к нарушению статьи 8, Европейский Суд уже приходил к выводу, что приобщение к доказательствам сведений,

полученных с помощью таких устройств, в конкретных обстоятельствах дел не противоречило требованиям о справедливости, предусмотренным пунктом 1 статьи 6 (см. постановление Европейского Суда от 12 июля 1988 года по делу «Шенк против Швейцарии» (*Schenk v. Switzerland*), §§ 45-49, Серия А № 140; упоминавшееся выше постановление по делу «Хан против Соединенного Королевства» (*Khan v. the United Kingdom*), §§ 34-40; постановление Европейского Суда по делу «Р. Г. и J. Н. против Соединенного Королевства» (*P.G. and J.H. v. the United Kingdom*), жалоба № 44787/98, §§ 76-81, ECHR 2001-IX; и упоминавшееся выше постановление по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), §§ 94-98). В частности, Европейский Суд приходил к выводу, что в его обязанности в принципе не входит решение вопроса о допустимости определенных видов доказательств, например о допустимости доказательств, полученных незаконным с точки зрения национального законодательства образом, или вопроса о виновности или невиновности заявителя. Вопрос, на который Суд должен дать ответ, заключается в том, являлось ли производство, в ходе которого были получены данные доказательства, справедливым в целом. При решении вопроса о справедливости производства в целом необходимо учитывать соблюдение или несоблюдение прав стороны защиты. В частности, необходимо установить, была ли заявителю предоставлена возможность оспорить достоверность доказательств и их использование. Кроме того, необходимо принять во внимание вопрос качества доказательств и рассмотреть при этом вопрос наличия или отсутствия оснований сомневаться в их достоверности или точности с учетом обстоятельств, при которых они были собраны. Отсутствие каких-либо материалов, подтверждающих собранные доказательства, не обязательно означает, что производство было несправедливым. Стоит отметить, что при наличии убедительных доказательств, полученных в обстоятельствах, которые исключают какие-либо сомнения в их достоверности, представление подтверждающих доказательств не столь обязательно (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), §§ 89 и 90).

53. В настоящем деле у заявителя была возможность оспорить законность и достоверность доказательств, собранных в результате негласного мероприятия, как в суде в рамках состязательного производства, так и в суде кассационной инстанции. Суды рассматривали все его доводы и обоснованно их отклоняли. Европейский Суд отмечает, что заявитель не жаловался на процедуру принятия судами решений относительно допустимости доказательства.

54. Кроме того, Европейский Суд придает большое значение тому, что видеозаписи были не единственным доказательством, положенным

в основу обвинительного приговора; видеозаписи были подкреплены другими доказательствами (см. аналогичное обоснование в упоминавшихся выше деле Шенка, §48, и постановлении по делу «Быков против России» (*Bykov v. Russia*), §§ 96-98).

55. В данных обстоятельствах Европейский Суд считает, что использование в судебном разбирательстве доказательств, полученных в результате негласного наблюдения, не противоречит требованиям о справедливости, предусмотренным пунктом 1 статьи 6 Конвенции. Производство по делу заявителя, в том числе способы получения доказательства, было в целом справедливым.

56. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, что данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

57. В заключение Европейский Суд рассмотрел остальные жалобы заявителя и, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы и в той степени, в которой данные жалобы относятся к его компетенции, пришел к выводу об отсутствии признаков нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции и Протоколах к ней. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная на основании подпункта «а» пункта 3 и пункта 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

58. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что было допущено нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

59. Заявитель требовал выплаты 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

60. Власти сочли требуемую сумму чрезмерной.

61. Европейский Суд присуждает заявителю 7 500 евро в качестве компенсации морального вреда, включая любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

Б. Судебные расходы и издержки

62. Заявитель требовал выплаты 130 000 рублей (около 3 170 евро) в качестве возмещения расходов, связанных с услугами законного представителя в российских судах и в Европейском Суде. Он представил соглашение о выплате адвокату вознаграждения и соответствующие счета.

63. Власти утверждали, что требования о возмещении судебных расходов и издержек, связанных с производством в российских судах, являются явно необоснованными, так как Европейским Судом не рассматривался вопрос обоснованности решения национальных органов предъявить заявителю обвинение в совершении преступления.

64. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, являлись необходимыми и разумными. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и указанные выше критерии Европейский Суд считает целесообразным присудить в настоящем деле сумму в размере 2 000 евро в качестве возмещения всех судебных расходов и издержек плюс любые налоги, которыми эта сумма может облагаться.

В. Проценты за просрочку платежа

65. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признал* жалобу в части предполагаемого нарушения права заявителя на уважение частной жизни, жилища и корреспонденции приемлемой, а остальные части жалобы — неприемлемыми;
2. *Постановил*, что было допущено нарушение статьи 8 Конвенции;
3. *Постановил*,
 - (а) что государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы в валюте государства-ответчика по курсу на день выплаты:

- (i) 7 500 (семь тысяч пятьсот) евро плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 2 000 (две тысячи) евро плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, в качестве возмещения судебных расходов и издержек;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода начисления пени плюс три процентных пункта.
4. *Отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, уведомление о постановлении направлено в письменном виде 7 ноября 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Фатош Араджы
Заместитель секретаря

Хелена Йедерблом
Председатель